

Научная статья

УДК: 34.01

DOI:10.17323/2072-8166.2023.2.25.47

Идейные истоки развития российской коммуникативной теории права

Софья Владимировна Тихонова

Саратовская государственная юридическая академия, Россия 410056, Саратов,
Вольская ул., 1, segedasv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2487-3925>

Аннотация

Коммуникативная теория права, сформулированная в России в начале XXI века в трудах А.В. Полякова, опирается на широкий спектр предшествовавших ей концепций философии права. В статье систематизируются основные идейные источники коммуникативной теории права на основе выделения трех групп — русской дореволюционной философии права, социальной феноменологии, дополненной теорией коммуникации, и базовыми положениями методологического поиска интегрального правовопонимания. Поскольку разработка коммуникативной теории права осуществлялась в русле теоретических поисков Санкт-Петербургской школы права, особое значение для нее имело воссоздание доктринальных связей с русской философией права начала XX века, среди которых в качестве базового идейного источника применялись идеи Л.И. Петражицкого об императивно-атрибутивных эмоциях как внутренней по отношению к человеку основе права, приближающиеся к пониманию их intersubъективного характера; учение П.И. Новгородцева о «вдохновляющей морали», иницирующей рационально-нравственное самораскрытие сущности человеческой личности; идея И.А. Ильина о признании как основе правового общения индивидуумов. Феноменологический комплекс источников послужил как обоснованию эйдетического смысла права, так и развитию его intersubъективной перспективы, поэтому включает в себя идеи Гуссерля о чистом сознании, интенциональности, intersubъективности, жизненном мире, идеи А. Шюца о повседневном intersubъективном жизненном мире, программу социального конструктивизма П. Бергера и Т. Лукмана, раскрывающую диалектику субъективного (индивидуального) и объективного (коллективного) в формировании социального знания, лежащего в основе социального воспроизводства. Социально-феноменологические понятия об intersubъективном взаимодействии калибруются в коммуникативной теории права таким идейным источником, как теория коммуникации, обобщающим схемы коммуникативного акта. Последняя группа источников связана с отечественными поисками в области интегрального

правоведения на рубеже тысячелетий, выдвинувшими базовые критерии методологического синтеза, направленного на объединение достижений основных типов правопонимания, сложившихся к концу XX века. Рассмотренные идейные источники детерминируют качественное методологическое своеобразие, отличающее российскую коммуникативную теорию права от западной.

Ключевые слова

философия права; коммуникативная теория права; русское дореволюционное правоведение; социальная феноменология; теория коммуникации; интегральное правопонимание.

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, конкурс «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами», проект 22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)».

Статья опубликована в рамках проекта по поддержке публикаций авторов российских образовательных и научных организаций в научных изданиях НИУ ВШЭ.

Для цитирования: Тихонова С.В. Идейные истоки развития российской коммуникативной теории права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 16. № 2. С. 25–47. DOI:10.17323/2072-8166.2023.2.25.47.

Research article

Ideological Origins of Development of the Russian Communicative Theory of Law

Sophia V. Tikhonova

Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia, segedasv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2487-3925>

Abstract

The communicative theory of law was formed in Russia at the beginning of the 21st century in the works of Andrei Polyakov. It is based on a very wide range of previous concepts in the philosophy of law. The article systematizes the main ideological sources of the communicative theory of law on the basis of the identification of three groups — the Russian pre-revolutionary philosophy of law, social phenomenology, supplemented by the theory of communication, and the basic provisions of the methodological search for an integral legal understanding. The development of the communicative theory of law was carried out in line with the theoretical searches of the Petersburg school of law. Therefore, the communicative theory of law recreates doctrinal connections with the Russian philosophy of law of the early twentieth century, among which the ideas of

L.I. Petrazhitzky about imperative-attributive emotions source as the basis of law internal to a person, approaching the understanding of their intersubjective nature were used as a basic ideological; P.I. Novgorodtsev's teaching about "inspiring morality", initiating rational and moral self-disclosure of the essence of human personality; I.A. Ilyin's idea of recognition as the basis of legal communication of people. The phenomenological complex of sources served both to substantiate the eidetic meaning of law in the communicative theory of law and to develop its intersubjective perspective. It includes the ideas of Husserl about pure consciousness, intentionality, intersubjectivity, the life world, the ideas of A. Schutz about the everyday intersubjective life world, the program of social constructivism of P. Berger and T. Luhmann, revealing the dialectic of the subjective, individual and objective, collective in the formation of social knowledge as the foundation of social reproduction. Socio-phenomenological ideas about intersubjective interaction are calibrated in the communicative theory of law by such an ideological source as the theory of communication, generalizing the schemes of the communicative act. The last group of sources is the domestic search for integral jurisprudence at the turn of the millennium, namely, the definition of basic criteria for a methodological synthesis combining the main types of legal understanding. The considered ideological sources determine the qualitative methodological originality that distinguishes the Russian communicative theory of law from the Western one.

Keywords

philosophy of law; communicative theory; Russian pre-revolutionary jurisprudence; social phenomenology; theory of communication; integral legal understanding.

Acknowledgements: the study was supported by Russian Science Foundation, project no. 22-18-20011, theme "Digital literacy: interdisciplinary research (regional aspect)".

The paper is published within the project of supporting the publications of the authors of Russian educational and research organizations in the Higher School of Economics academic publications.

For citation: Tikhonova S.V. (2023) Ideological Origins of Development of the Russian Communicative Theory of Law. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 16, no. 2, pp. 25–47 (in Russ.). DOI:10.17323/2072-8166.2023.2.25.47.

Введение

Созданная А.В. Поляковым коммуникативная теория права стала одним из признанных достижений современной отечественной философии права, интегрирующей юснатуализм, социологические теории права и социальную феноменологию в единую модель правопонимания. Ее развитие укладывается в три последних десятилетия. По меркам истории гуманитарной науки это небольшой период, но, он опирается на традиции, различные по степени влиятельности, продолжительности и мощности. В целом на их переосмыслении сказалось масштабное преодоление идеологического влияния (иногда догматического, иногда цензурного) ортодоксального советского марксизма, свойственное

социально-гуманитарной мысли России в 1990-х гг. Этот процесс шел по трем направлениям во всех отраслях теоретического гуманитарного научного знания: возрождение интереса к достижениям дореволюционных русских мыслителей, ревизия категориального аппарата и рецепция смыслового содержания академических западных текстов, анализ которых в советский период проходил как «критика буржуазных теорий». Не была исключением и теория права. Коммуникативная теория права развивалась благодаря Петербургской школе права, которая возвращала в научный оборот дореволюционное наследие «золотого века российского правоведения», включалась в диалог с зарубежными исследователями, обеспечивая перевод и рефлексии их фундаментальных текстов, и выдвигала собственные новаторские идеи.

В этой масштабной работе в рамках заявленной проблематики особенно интересны три группы идей. Во-первых, это рубрикация русской философии права начала XX века, ключевая роль в которой отведена взглядам Л.И. Петражицкого и теоретической «переключке» с ними взглядов И.А. Ильина, П.И. Новгородцева и других русских философов права, относящихся к социологической школе права и школе возрожденного естественного права. Во-вторых, это рецепция и диалог с современной социальной теорией и теорией коммуникации в зонах их синергии, в первую очередь, в исследованиях интерсубъективности социального мира в русле феноменологической социологии [Поляков А.В., 2014: 8]. В-третьих, это собственные интегративные поиски современной Петербургской школой обеспечения синтетической целостности правопонимания.

1. Русская философия права

Первая группа может включать обширный список персоналий, поскольку значимыми для взглядов А.В. Полякова оказались положения В.С. Соловьева, Н.Н. Алексеева, Г.Д. Гурвича, П.А. Сорокина, С.Л. Франка, А.С. Яценко, Л.И. Петражицкого, П.И. Новгородцева и И.А. Ильина. Следует остановиться на анализе взглядов последних трех российских правоведов, так как отсылки к ним встречаются на протяжении всего творческого пути А.В. Полякова и детализированы в его отдельных статьях. Анализ же концепций всех перечисленных авторов требует отдельного исследования.

Рассмотрение названной группы идей логично начать с значимых для теории коммуникации положений наследия Л.И. Петражицкого, основателя и многолетнего (больше 20 лет) лидера Петербургской школы философии права. Как отмечают А.В. Поляков и Е.В. Тимошина, статус

этой школы сталкивается с дискуссиями, связанными со трудностью применения к ее идеям и персоналиям «школьных» критериев, как географических (что связано с эмиграцией Петражицкого, распределившей его учеников на несколько стран), так и временных: «Не совсем проясненными остаются и хронологические границы Петербургской школы философии права, учитывая возрождение идей Л.И. Петражицкого как в России, так и за ее пределами» [Поляков А.В., Тимошина Е.В., 2018: 6]. Тем не менее связь школы с его доктриной очевидна, в первую очередь именно в контексте стремлений выйти за пределы однобокого отражения права. Потенциал применения концептов Петражицкого в современном правоведении отмечается и западными исследователями. Например, Л.Киейзик показывает, что «его блестящие разработки ... пригодны для создания единой (хотя и многоуровневой) системы права» [Киейзик Л., 2020: 199]; [Fittipaldi E., 2012: 15]. Не удивительно, что она оказалась настолько востребованной в наши дни.

Поставленная задача осложняется как объемом наследия Л.И. Петражицкого¹, так и степенью разработанности его взглядов современными последователями Петербургской школы. Так, только Е.В. Тимошина, защитившая в 2013 г. докторскую диссертацию «Теория и социология права Л.И. Петражицкого в контексте классического и постклассического правопонимания», является автором более чем 20 работ, включающих и почти 300-страничную монографию, посвященных его идеям. В 2018 г. издана международная коллективная работа «Петербургская школа философии права: к 150-летию со дня рождения Льва Петражицкого» под редакцией А.В. Полякова и Е.В. Тимошиной, включающая результаты многолетнего изучения теории Петражицкого и ее развития учениками (П.А. Сорокиным, Г. Гурвичем, Н.С. Тимашевым и др.) Петербургской школы философии права, авторами которой с российской стороны стали М.В. Антонов, А.А. Краевский, А.В. Поляков, Е.В. Тимошина, И.Л. Честнов. В настоящем разделе целесообразно сосредоточиться на мотивах теории права Петражицкого, прямо зафиксированных в работах А.В. Полякова, а именно в его статьях 2013–2021 гг. В этом случае теоретическая реконструкция игнорирует хронологический подход, но зато позволяет рассматривать правовую рефлексию в перспективе непрекращающегося и самоутрачивающегося диалога.

Начнем с работы «Психологическая теория права Л.И. Петражицкого в свете коммуникативного подхода» (2016). Здесь научное творчество

---

¹ Вышедший под научной редакцией Е.В. Тимошиной том его избранных трудов содержит свыше 1000 страниц [Петражицкий Л.И., 2011]; в его наследии свыше 10 монографий.

Л.И. Петражицкого сближается с постклассическим социально-феноменологическим подходом, а в качестве главного его достижения устанавливаются выявление и обоснование «необходимой связи между правом и человеческой личностью» [Поляков А.В. (б), 2016: 144], которую не могут уловить классические теории права. Благодаря ей право может пониматься как реальность, созданная сознанием человека, его внутренним миром (психическая реальность), в этом качестве она не может рассматриваться как отчужденная враждебная сила. Нехватка в конструкциях Петражицкого корреляции психологического и социального (внешнего) компенсируется откликом на дарвиновскую теорию эволюции, позволяющую обосновать подобие естественного отбора в отношении единичных индивидуальных императивно-атрибутивных эмоций, составляющих содержание права: те из них, которые отвечают социальным потребностям, «получают социальную поддержку, закрепляются не только на уровне интуитивного права, но и через соответствующие нормативные факты» [Поляков А.В., 2016b: 147].

Крайне значимым и продуктивным А.В. Поляков считает положение Петражицкого о том, что императивно-атрибутивные эмоции не предполагают непротиворечивости, они легко могут быть конфликтными, при этом воспроизводимы и, как сказали бы мы сегодня, «частотность» такой воспроизводимости большинством индивидуумов и приводит к закреплению конкретного варианта. Далее он акцентирует пассажи работ Петражицкого, демонстрирующие, что мыслитель закладывает характеристику осмысленности в понятие императивно-атрибутивных переживаний. В результате этого можно утверждать, что Петражицкий «фактически признает возможность общего понимания, но и трактует поведение другого человека как текст, который нуждается в прочтении для его понимания, признавая тем самым, что этот текст обладает общим, т.е. «объективным» (фактически интерсубъективным), смыслом» [Поляков А.В., 2016b: 153]. В итоге мысль Петражицкого оказывается созвучна более поздним положениям социальной феноменологии об интерсубъективности социального взаимодействия, распределяющей изначально индивидуальные смыслы как общие, и предвосхищает их.

Следующая статья, также вышедшая в 2016 г., конкретизирует правопонимание Петражицкого применительно к правам человека [Поляков А.В. (а), 2016]. В этом случае погружение в психологическую теорию права опосредовано полемикой с Э. Фиттипальди, наиболее строгим современным «петражицкианцем», и сопровождается текстологическим анализом для обоснования того или иного вывода.

В данной статье А.В. Поляков радикализирует внутреннее противоречие теории Петражицкого, чтобы показать ее предел при повышении

требований к логической строгости. В фокусе внимания находится атрибутивная природа «подлежащих эмоций долга» [Петражицкий Л.И., 1909: 105] как отличительный признак («*differentia specifica*») права. Этот тезис является следствием отождествления Петражицким «императивно-атрибутивной природы» права и императивно-атрибутивной психики; А.В. Поляков убедительно демонстрирует, что такой логический выбор однозначно уравнивает фантастические, бредовые и реальные правовые императивно-атрибутивные эмоции. Чтобы «отсеять» несостоятельные от последних, Петражицкому приходится ввести учение о нормативных фактах, в которой устанавливается унифицирующая тенденция права, осуществляемая через развитие «единого шаблона норм», лежащего в основе понимания прав, обязанностей, правоотношений, и «даже само появление суда» [Поляков А.В., 2016а: 52], т.е. правовых форм, обеспечивающих социальное согласие.

В итоге А.В. Поляков приходит к выводу: Петражицкому не удалось примирить понятия об императивно-атрибутивной природе права и учение о нормативных фактах, избежать противоречия и конфликта между ними. Из-за индивидуальности правовых эмоций петражицкианское право остается виртуальным, для актуализации ему требуется intersubъективная перспектива, переход к которой осуществить внутренними средствами теории строгого петражицкианства невозможно. Этот переход и осуществляет коммуникативная теория права с помощью других теоретико-методологических инструментов. Но делает она это опираясь на уже установленный и глубоко разработанный тезис о связи права и человеческой психики. Именно он является точкой опоры дальнейших коммуникативных штудий права.

Следующий представитель русской правовой мысли, повлиявший на коммуникативную теорию права — П.И. Новгородцев. По мнению А.В. Полякова, учение этого философа права разрабатывает содержание имплицитной стороны коммуникации, к которой отнесены «внутренние, духовные, но не всегда ясно осознаваемые, «интенциональные» моменты коммуникации» [Поляков А.В., 2013], которые можно рассматривать как ее априорные условия или эйдос. Выдвигая в качестве трансцендентного идеала «целость общения» [Новгородцев П.И., 1991: 200], П.И. Новгородцев фактически устанавливает для права регулятивный идеал, в который встроена высшая критическая инстанция для положительного права. Его концептуализация потребовала неординарного методологического синтеза кантовской личности и гегельянского целостного общества, призванных отразить сплав личного и коллективного в идеальном общении. В этом случае речь идет не о личности самой по себе, но о личности, связанной с другими личностями.

Кантианская линия методологии Новгородцева опирается на кантовский разрыв между теоретическим и практическим разумом и формулу категорического императива как максимы свободной воли. Долженствование — сфера, определяемая способностью практического разума быть универсальным законодателем, опирающимся на ноуменальный, а не на феноменальный порядок. Это высшее призвание духа, обоснованное Кантом, П.И. Новгородцев трансформирует в идею «вдохновляющей морали», подпитывающей вечное и неисчерпаемое стремление к исполнению долга. Всеобщее долженствование у мыслителя как идея «уже предполагает многих деятелей, с другой стороны, ею определяется некоторая высшая норма, стоящая над волей индивида и вытекающая из представлений о высшем объективном порядке» [Поляков А.В., 2013: 127]. Здесь Поляков усматривает влияние В.С. Соловьева, к которому обращается позднее в контексте соловьевской идеи оправдания религии через право и нравственность, что позволяет «не выводить право из религии, а «подключать» религию к праву, если для этого будут найдены достаточные основания» [Поляков А.В., 2021: 45]. Это и есть имплицитная коммуникативная сущность человеческой личности, в которой автономия свободной воли не замыкается сама на себя, но размыкается к другим и реализуется только вместе с ними, образуя «нравственное единство», примиряя индивидуальное в общем коллективном.

Этот переход от одного к многим невозможен без перехода от нравственности к праву, фиксация которого выходит за рамки возможностей кантовской мысли. Правовые требования могут не включать нравственные, но они не требуют их исключения, поэтому естественное право представляют собой «априорные принципы и условия человеческого общежития..., которые позволяют лицу выступать равноправным и равноценным партнером в человеческом общении, связывая всех едиными правилами поведения, разумно и нравственно принимаемыми и разделяемыми всеми» [Поляков А.В., 2013: 127]. Норма естественного права оказывается для положительного права тем самым регулятивным идеалом, на основе которой производится его оценка. Содержательно эта норма совпадает с сущностью человеческой личности, ее разумно-нравственной природой, которой человек должен оставаться верным в любых исторических условиях.

А.В. Поляков скрупулезно соотносит положения П.И. Новгородцева с идеями Л.И. Петражицкого, пытаясь выявить принципиальную совместимость последних с юснатурализмом. Изначально Петражицкий декларировал необходимость возрождения естественно-правовой доктрины. В работе «Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии» он писал: «Вследствие разных недора-

зумений относительно смысла и значения учений естественного права и разных других обстоятельств, в том числе политической реакции после французской революции и падения этических идеалов, в начале девятнадцатого столетия произошло внезапное падение и уничтожение школы естественного права, и с этого времени историческая и практическо-догматическая разработка позитивного права признавалась единственно возможной наукой в области права. Это крупное и печальное историческое недоразумение повело, между прочим, к тому, что правоведение и другие касающиеся общественного строя науки — государственные науки, политическая экономия — оказались лишенными принципиального и идеального руководства и частью занялись исторической и догматической микроскопией, частью же впали в поверхностно-утилитарное, “практическое” в вульгарном смысле этого слова направление, лишенное общих принципов, идей и идеалов» [Петражицкий Л.И., 1908: V–VI]. Эта декларация так и не состоялась, избранная Петражицким методология не оставила для нее концептуальной территории, более того, близость к ней П.И. Новгородцева стала для Петражицкого объектом критики.

Тем не менее А.В. Поляков находит уязвимости в критической оценке Петражицким взглядов Новгородцева. Он показывает, что взгляды этих двух мыслителей, противоречащие в оценке нравственности и права (Петражицкий считал, что право у Новгородцева, по сути, есть интуитивная мораль, тогда как естественное право относится к интуитивно-правовой психике), могут сблизиться. Петражицкий отстаивал узкое понимание нравственности как императивной эмоции (морали долга), а Новгородцев — широкое, понимая под ней мораль вдохновляющую и притягивающую, подпадающую под петражицкианское определение атрибутива, а значит и под понятие права. Тогда возрожденное естественное право Новгородцева должно быть понято как «неофициальное позитивное право, опирающееся на нормативные факты в виде рациональных (доктринальных) требований, вытекающих из коммуникативной природы человеческой личности». Таким образом обосновывается как возможность методологического соотнесения идей Петражицкого и Новгородцева, так и очерчивается горизонт дополнения первых вторыми, а именно, обращением к новгородцевскому пониманию личности, под которой понимается «человек, наделенный достоинством и свободой и связанный с другими людьми «высшим нравственным единством» [Поляков А.В., 2013: 134, 137]. Нравственное единство обосновывает возможность введения понятия «коммуникативное единство», в котором проявляются свобода и достоинство коммуникантов.

Для отражения «феноменолого-гегельянского» ракурса принципа взаимного духовного признания А.В. Поляков обращается к наследию

И.А. Ильина, а именно к 19-й главе «Третья аксиома правосознания» работы «О сущности правосознания» [Ильин И.А., 1993: 188–199], раскрывая ее ключевые тезисы в статье «Принцип взаимного правового признания: российская философско-правовая традиция и коммуникативный подход к праву» (2021) [Поляков А. В., 2021]. Ильин исходил из того, что политика служит духу (вполне гегелевскому), созидая через «правовое право» государственное единение, дух и право связаны потому, что необходимые формы духа являются формами правосознания, теоретически выражаемые как аксиомы. Всего таких аксиом у Ильина три: закон духовного достоинства, закон автономии и закон взаимного признания [Ильин И.А., 1993: 146, 148].

Духовное достоинство есть результат духовного опыта, в котором человек осознает свою миссию, способность служить сверхценностям перед лицом «Царства Божьего», даже если не может рационально выразить «встречу» с последним. Духовное достоинство раскрывается через духовное самоутверждение, разрешающее конфликт между духовным призванием и чувством самосохранения, и является основой уважения человека к себе. Вторая аксиома фиксирует способность определять себя и управлять собой на пути к благим целям. Автономия требует собственных убеждений и духовной зрелости. Собственно, третья аксиома, в которой человек раскрывается как социальное существо, утверждает взаимное признание. Человеческая жизнь невозможна без отношений с другими личностями, эти отношения не могут игнорировать свой «духовный состав», поэтому надлежит «обеспечить им духовно и предметно-достойный уровень», на котором варьирующаяся степень субъективной «приятности» всегда сопровождается объективными верностью и духовным достоинством. Из этого следует, что правоотношение как духовное отношение всегда основано на «взаимном духовном признании людей» [Ильин И.А., 1993: 191, 192].

А.В. Поляков раскрывает троякость дважды осуществленного признания, лежащего в основе правоотношения Ильина, показывая, что для правоотношения требуется, во-первых, признание права, во-вторых, признание субъектом собственной духовности, включающей достоинство и автономию, и, в-третьих, признание духовности другого субъекта. Акты признания не обязательно совершаются субъектом как самостоятельные действия, они могут «молчаливо предполагаться» [Ильин И.А., 1993: 193], хотя такое умолчание может привести к их забвению и утрате; поэтому А.В. Поляков утверждает, что признание у Ильина играет роль правовой презумпции или правового принципа [Поляков А.В., 2021: 53]. В целом признание у Ильина пронизывает все духовное общение, но А.В. Полякову крайне важен тезис: правовое общение, духовное

по природе и опирающееся на признание, обнаруживает и утверждает «духовное братство всех людей».

2. Социальная феноменология и теория коммуникации

Рассмотрение второй группы идей предполагает обращение к феноменологической традиции, во-первых, собственно, к базовым идеям раннего Э. Гуссерля, и во-вторых, к феноменологической социологии А. Шюца и социальному конструктивизму П. Бергера и Т. Лукмана. Эти последние два направления, генетически и концептуально связанные методологическим контекстом (поскольку вырастают из гуссерлевской феноменологии) и общей целью — определением социального знания как основы воспроизводства социальной реальности, — создают идейный контекст, в который помещается русская правовая мысль, и в котором, как в преломляющей призме, она получает совершенно новое звучание, обогащаясь новыми смыслами.

Обращение А.В. Полякова к феноменологии Гуссерля логически вытекает из первой группы источников. И.А. Ильин в научной стажировке (1911–1912 гг.) слушал в Геттингенском университете лекции Гуссерля и общался с ним. Как отмечает Ю.Т. Лисица, «книга Гуссерля “Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии” выйдет в свет только в 1913 году, а доцент Ильин уже в 1912/1913 учебном году излагает своим студентам идеи феноменологического метода Гуссерля» [Лисица Ю.Т., 2015: 48]. К тому же сам Ильин свой метод называл феноменологическим: «Философское исследование предмета через интенсивное и самоотверженное погружение души в его внутреннее переживание — есть феноменологическое исследование (сущность предмета познается по его явлению). Здесь всегда открывается, как обстоит в предмете — предметное обстояние (что в нем объективно есть)» [Ильин И.А., 2013: 79]. Феноменологический подход Н.Н. Алексеева также основан на идеях Э. Гуссерля [Архипов С.В., 2013: 122]. Формирование социального знания А.В. Поляков прямо связывает с гуссерлевским подходом [Поляков А.В., 2004: 39].

Социальная феноменология предлагает развития тезиса Э. Гуссерля об интенциональности сознания, конструирующего смыслы в горизонтах жизненного мира. У Шюца А.В. Полякову важно понятие интерсубъективного повседневного мира, переживаемого в естественной установке как реальность, доступная субъектам и как переживание, и как интерпретация, а также понятие «наличного запаса» таких переживаний и интерпретаций [Поляков А.В., 2016b: 149]. Отметим, что у

Шюца жизненный мир куда шире, чем у Гуссерля, и включает социальные и культурные структуры (критерием отнесения объекта к жизненному миру выступает не критичность его восприятия). Содержание личного запаса пронизано практическим интересом. Поскольку право погружено в интерсубъективный мир, постольку «все право, действующее в реальной социальной жизни в соответствии со своей «природой», характеризуется единообразием его понимания (что указывает на его действительность) и признанием со стороны взаимодействующих лиц (что определяет понятие действенности, эффективности)» [Поляков А.В. (б), 2016: 150]. Возможным это становится благодаря знаковому характеру интерсубъективности, через аппрезентации связывающей индивидуальные переживания и чужие интерпретации. Аппрезентация ведет к коммуникации во внешнем, не внутреннем для субъекта социальном мире, а коммуникация закладывает коммуникативную среду, в которой осуществляются понимание и согласие [Шюц А., 2004: 484]. Идеально-типические конструкции формируют объективное измерение для субъективных смысловых контекстов. Право как объективный феномен относится к именно таким конструкциям.

Концепция жизненного мира Шюца стала отправной точкой двух феноменологических школ в социальной теории — социального конструктивизма П. Бергера и Т. Лукмана и этнометодологии Г. Гарфинкеля. Для коммуникативной теории права стало плодотворным обращение к идеям первой (хотя, возможно, модель «фоновых практик» Гарфинкеля еще найдет применение), содержащимся в программном трактате «Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания» (1966), получившем настолько широкую известность в нашей стране после перевода в 1995 г. [Бергер П., Лукман Т., 1995], что сейчас его постулаты интегрированы в большинство исследовательских программ в социогуманитарной мысли в качестве имплицитных установок.

Социальное знание является основой включения индивидов в социальные роли и институты, оно формируется с ранней социализации благодаря тому, что раз за разом для индивида повторяются типичные ситуации, в результате наращивания опыта которых сплавляются субъективные, интерсубъективные и объективные смыслы. Начало этого процесса всегда укоренено в повседневном жизненном мире. Общество воспроизводится только потому, что индивиды, действуя в соответствии со своими знаниями, отвечают ожиданиям других, результат этого коллективного процесса создает иллюзию «естественности» социального порядка. Само социальное воспроизводство — цикл смены хабиитуализации, институализации, традиции и легитимации, каждый новый уровень перерабатывает и пересобирает результаты предыдущее-

го. В этой концепции для коммуникативной теории права оказывается наиболее востребованным тезис о том, что «общество представляет собой и человеческий продукт, и объективную реальность, в то время как сам человек есть продукт общества. Иными словами, общество есть одновременно и субъективная, и объективная реальность» [Поляков А.В. (б), 2014: 64].

В цитируемой работе А.В. Поляков прямо отмечает выводы концепции П. Бергера и Т. Лукмана, «с которыми необходимо считаться, так как они выражают сущность социальной диалектики: с одной стороны, общество существует лишь в той мере, в которой индивиды осознают его; с другой стороны, индивидуальное сознание социально детерминировано. С одной стороны, институциональный порядок реален лишь постольку, поскольку реализуется в исполняемых ролях (типизированном поведении); но с другой стороны, роли представляют институциональный порядок, который определяет их характер и придает им объективный смысл» [Поляков А.В. (б), 2014: 65]. Очевидно, что здесь актуализируется проблематика социальной диалектики, сопрягающей субъективное и объективное, индивидуальное и социальное в множественных повторяющихся интеракциях. Таким образом, коммуникативная теория права получает инструментарий, описывающий механику непрерывных связей между смыслами, продуцируемыми одним Я и смыслами, продуцируемыми другими Я, обобщающую их и закладывающую их в основание права.

Также А.В. Поляков обращался к выдвинутой П. Бергером и Т. Лукманом интерпретации возникновения социальных и правовых институтов [Поляков А.В. (а), 2016: 59]. Институт представляет собой перманентное решение конкретной социальной проблемы, и именно поэтому индивиды признают его социальный смысл и значение. Включаясь в действия, относящиеся к институциональному пространству, они знакомятся с этим смыслом, но поверхностного знакомства недостаточно, институциональные смыслы должны быть «сильно и незабываемо запечатлены в сознании индивида» [Бергер П., Лукман Т., 1995: 27] в простой для запоминания форме, чтобы индивиды, забывчивые, ленивые и не всегда высоко рациональные, смогли справиться с решением институциональных по характеру задач. Именно по причине ненадежности человеческой природы передача институциональных смыслов всегда сопровождается взаимосвязанными контролем и легитимацией. Объективированные институциональные значения Бергера и Лукмана А.В. Поляков отождествляет с «правовыми текстами», т.е. подлежащими передаче и интерпретации знаковыми комплексами права. Кроме того, безусловно значим для коммуникативной теории права социально-конструкти-

вистский подход к описанию аппарата легитимации, легко применимый к описанию легитимации правовых норм.

К социально-феноменологической парадигме в данной рубрике при-мыкает теория коммуникации. Бергер и Лукман писали свой трактат в методологической ситуации, для которой характерна глубокая степень проработки понятия «социальное действие». Начатая М. Вебером и Э. Дюркгеймом традиция его изучения во многом перейдет к теории коммуникации. Социальное действие и коммуникативный акт как первоэлементы социума и коммуникации соответственно, всегда сводятся к действию, совершаемому минимум двумя индивидами. Но в первом случае в фокусе внимания находится совершаемый во взаимодействии обмен и его социальные эффекты, во втором — семиотическое сопровождение обмена. Теория коммуникации калибрует конфигурацию действия, раскрывая ее через формы подражания, диалога и управления, и эти формы так или иначе проникали в объяснительный аппарат социальной теории на протяжении всего XX столетия.

В контексте исследований Бергера и Лукмана речь всегда идет о микроуровне социального действия, представленного индивидуальным субъектом, совершающим (преимущественно) повседневные рутинные интеракции. Она отражается циркулярной моделью Осгуда-Шрамма [Schramm W., 1954], в которой понимание сообщения осуществляется в перехлесте рамок соответствия фондов информационных знаков, фиксирующих субъективный опыт, и вписано в контекст взаимоотношений коммуникантов. Эта диалогическая модель максимально востребована коммуникативной теорией права, но последняя не обходит вниманием и линейные модели, работающие там, где право изображается в парадигме приказа. Теория коммуникации, утверждающая множественность форм коммуникации, позволяет коммуникативной теории права варьировать эти объяснительные схемы в зависимости от специфики рассматриваемой правовой коммуникации.

3. Поиски интегрального правопонимания

Третья группа идей связана с поиском интегрального правопонимания. После распада СССР права человека получили в России конституционное закрепление согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, т.е. в доктринальной рамке юснатурализма, что не могло не войти в противоречие с наработанными традицией советской теории права позитивистскими установками правопонимания. Правоведению приходилось отвечать на этот вызов в методологической ситуации длительного противостояния и явной несовместимости эта-

тистского позитивизма и юснатурализма. На уровне гносеологии оно выражалось в противостоянии материализма и идеализма, на уровне этики — в конфликте соответствующих концепций справедливости и долга и, собственно, на уровне философии права было связано с принципиально различными моделями объяснения природы права и его источников. Школы правоведения формировались в полемике друг с другом, их конкуренция связана как с методологическими особенностями, так и с развитием национальных правовых доктрин. Кроме того, модернизация права предполагала и модернизацию самой правовой науки, ее отхода от принципов классической рациональности в сторону неклассических и постклассических. С конца XX столетия актуализировалась потребность в поиске компромисса между школами права и характерными для них типами правопонимания, ответом на которую стали поиски интегративного правопонимания. Последнее призвано объединить типы правопонимания через поиск «общих точек соприкосновения, а не путем простого арифметического суммирования» [Залойло М.В., 2014: 143]. Такая задача, с одной стороны, должна была избавить новый поиск от эклектики, с другой — выйти за рамки объяснительных схем позитивизма.

Постановка задачи принципиально новой не была: как показала Е.В. Тимошина, в далеком 1900 г. Л.И. Петражицкий противопоставил «синтетический» способ организации собственной теории права «комбинационному» способу «как логически некорректному, а следовательно, не ведущему к созданию теорий» [Тимошина Е.В., 2012: 88]. В.Г. Графский справедливо отмечает, что «попытки упорядочения и гармонизации юридических знаний в рамках единой теоретико-познавательной и практической дисциплины предпринимались неоднократно, но длительного и устойчивого эффекта не имели» [Графский В.Г., 2000: 50]. Тем не менее, по его мнению, в правоведении все отчетливее стремление к переходу к интегральной юриспруденции, под которой в широком смысле понимается «синтезирующее правоведение, существующее благодаря упорядочению наиболее полезных и перспективных способов приобщения к юридическому знанию, юридическому воспитанию и мастерству в пользовании правами, включая пользование текстами законов, процедурами и важнейшими принципами и аксиомами правопонимания» [Графский В.Г., 2000: 50, 60]. Близки к этой точке зрения позиции В.В. Лазарева [Лазарев В.В., 2006: 122] и В.В. Лапаевой [Лапаева В.В., 2008: 10].

Чаще всего прилагательные «синтетический», «интегральный» и «интегративный» применительно к теориям права употребляются как синонимы. А.В. Поляков обосновывает необходимость демаркации этих

терминов, разграничивая отражаемые ими подходы: «...взгляд на право как целостность — отличает интегральное правопонимание от интегративного. Интегральный подход позволяет в целостности права выделять те аспекты, которые фрагментарно, в оторванности от других сторон правовой реальности представлены в классических теориях права. Интегративный подход, не видя изначальной целостности права, стремится ее найти через объединение различных подходов, разработанных в классическом правоведении» [Поляков А.В., 2008: 23].

Действительно, внутренние резервы интеграции конфликтующих концептуальных структур ограничены, взаимодействие юридического позитивизма и возрожденного естественного права наглядно демонстрирует пределы, за которые «школьная» система категорий не может выйти без неразрешимых логических противоречий. Основные типы правопонимания, изучение которых в последнее десятилетие XX века активно переводилось из плоскости истории учений о государстве и праве в русло философии права, призванной выдвигать методологические ориентиры для прикладного правоведения, организованы как дедуктивные пирамидальные иерархии понятий, что делает прямой перенос логических конструкций из одной в другую невозможным.

Школы права развивались как «замкнутые теории» В. Гейзенберга, охарактеризованные им как «методологическое совершенство» [Гейзенберг В., 1987: 7]. Замкнутые теории отличаются логично и когерентно сконструированным понятийным ядром теории, основанным на единстве метода и правил его интерпретации. Для замкнутых теорий специфичен методологический монизм. Гейзенберг рассматривал замкнутые теории на примерах естествознания, где в формировании понятий доминирует индуктивная логика. Школы права дедуктивны, поскольку развивались не под влиянием изменений собственно правовых норм; источником их движения были масштабные социально-политические изменения и появление отражающих их фундаментальных идей (разум, развитие, позитивное знание и др.). Из этих идей и выводилось понятие права, логическими следствиями которого становились основные правовые категории. Иначе говоря, развитие правопонимания осуществлялось через обращение к внедисциплинарным для права философским концептам, даже если результатом такого обращения был принципиальный позитивистский отказ включать такие концепты в формируемую замкнутую систему.

В этом ракурсе обращение к внедисциплинарному для юриспруденции философскому знанию как основанию и источнику интеграции закономерно. Связь школ правопонимания с господствовавшими философскими парадигмами общеизвестна. Укорененность юснатурализ-

ма в рационалистической философии, позитивизма — в методологии и философии науки, исторической школы права — в романтическом национализме, возрожденного естественного права — в базовых течениях западной философии XX века детально анализируется в истории политических и правовых учений. С точки зрения современного поиска внедисциплинарных оснований показательна частота обращений к социологическим теориям права в рамках интегративных проектов, возникавших на рубеже XX–XXI вв. [Графский В.Г., 2000: 50–51]. Будучи тесно связанными с современной социальной теорией, они способны обеспечить гибкость реакции на социально-политические изменения, которые инициируют прогресс правоповедения.

Тем не менее стремление к интеграции на «внешней» социально-теоретической платформе также сталкивается с существенными барьерами. Если бы социальная наука была способна предложить логически строгую и всеобъемлющую модель социальной реальности, задачей правоповедения стало бы сведение правовых категорий к знаменателю категориальных систем и выводов социальной теории, достижение тотального «методологического совершенства». В условиях относительного характера истины в научном познании такую задачу пришлось бы всегда решать ретроспективно, следуя за социальным познанием и отставая от осмысления динамики правовой жизни. Более того, социальную ориентированность правоповедения усложняет методологический плюрализм, получивший признание в качестве методологического принципа постнеклассической науки как таковой и постсоветских философских исследований, в частности. Утверждая равноправие разных методологических стратегий, методологический плюрализм тем самым ограничивает трансцендентальное притязание философских концепций на универсальность, нивелируя попытки создания «единственно верных» теорий.

Автором концепции методологического плюрализма является П. Фейерабенд. Одно из самых известных его высказываний о плюрализме методов в науке вошло в широкий оборот: «Познание... не есть ряд непротиворечивых теорий, приближающийся к некоторой идеальной концепции. Оно не является постепенным приближением к истине, а скорее представляет собой океан взаимно несовместимых альтернатив, в котором каждая отдельная теория, сказка или миф являются частями одной совокупности, побуждающими друг друга к более тщательной разработке, и благодаря этому процессу конкуренции все они вносят свой вклад в развитие нашего сознания» [Фейерабенд П., 2007: 49]. Выдвинутая Фейерабендом идея пролиферации теорий означает необходимое существование «несовместимых альтернатив» в рамках теоретического целого, требующееся для качественного опровержения/подтверждения

выдвинутой гипотезы. Методологический плюрализм как принцип познания означает необходимость рисковать, сочетая даже противоречивые подходы, ради достоверности описания изучаемого объекта.

Процедура отбора используемых методов в методологическом плюрализме отличается известной интуитивностью и не может быть формализована, несмотря на то, что исследователи, разумеется, стремятся к формализации дизайна исследования. В силу методологического плюрализма методологическое поле теорий мозаично и фрагментарно. Погрузившись в концепцию, трудно найти универсальную систему объяснения социальной реальности, пригодную для методологических потребностей правопонимания.

Однако методологический плюрализм предназначен не для гносеологической фиксации дискретности конгломерата методов, напротив, он обеспечивает их единство. Работая как комплементарный принцип взаимоусиления родственных и близких методов, он позволяет при необходимости дополнять, калибровать и надстраивать исследовательские процедуры.

Не является исключением и коммуникативная теория права, которую А.В. Поляков неоднократно позиционировал как интегральную [Поляков А.В., 2006: 29]. Она опирается на тезис о фундаментальности процессов коммуникации в обществе и мире, а также разрабатывает категориальный аппарат, фиксирующий структуру правовой коммуникации, ее основные формы и модели, используя близкие, родственные и неконфликтные правовые и социальные теории. Эта теория не претендует на статус метатеории, т.е. не содержит объяснения входящих в ее состав дисциплинарных теорий, хотя и включает в себя метатеоретические элементы в том смысле, что они выходят за рамки теории, описывающей элементы догмы права. Таким образом формируется единое концептуальное целое коммуникативной теории права, реализующее принцип методологического плюрализма и одновременно опирающееся на констатацию универсальной связи правовой коммуникации и онтологической природы человека. Его главные эвристические достоинства связаны с фиксацией коммуникативности как основания сконструированности, интерсубъективности, человекообразности, практической воспроизводимости, ментальной, социокультурной обусловленности и контекстуальности правовой реальности [Честнов И.Л., 2014: 21].

В заключение анализа идейных источников коммуникативной теории права необходимо отметить статус современной континентальной философии права, в которой выделяется современная немецкая философия права (В. Кравиц, Н. Луман, Г. Шельски, Ю. Хабермас, Г. Тойбнер) [Антонов М.В., Поляков А.В., Честнов И.Л., 2014: 570]. Безусловно, они

оказывали влияние на коммуникативную теорию права А.В. Полякова, но влияние это имеет скорее диахронический характер, поскольку осуществлялось и осуществляется оно через «равноранговые» дискуссии (форумом для которых во многом послужил журнал «Известия высших учебных заведений. Правоведение», главным редактором которого А.В. Поляков был в 2011–2017 гг.), позволяющие калибровать в полемике используемые теоретиками объяснительные схемы и категориальные ряды.

Заключение

Русская правовая мысль подготовила коммуникативной теории права фундамент формулирования следующих идей: право связано с человеческой личностью, основой этой связи выступает человеческая психика (Л.И. Петражицкий), имеющая специфическую притязательно-обязывающую (императивно-атрибутивную) природу; личность обладает имплицитной коммуникативной сущностью, что позволяет создать фундамент для понятия «коммуникативное единство», в котором проявляются свобода и достоинство коммуникантов (П.И. Новгородцев); коммуникативное единство основано на взаимном правовом признании (И.А. Ильин).

Социальная феноменология сформировала теоретические рамки исследования эйдетического смысла права, ориентированного на категории, отражающие поддержание интересубъективного жизненного мира повседневности, обеспечивающего нормогенез и конкретно-исторические формы аппарата легитимации. Теория коммуникации дополняет представление об интересубъективном коммуникативном действии благодаря выдвинутому в ее рамках схемах коммуникативного акта. Используя объяснительные модели теории коммуникации, коммуникативная теория права не только предлагает широкую многоаспектную модель права, соотнося его с современными данными социогуманитаристики и преодолевая кризис методологических основ теоретического правоведения, но и открывает перспективы модернизации юридической догматики, соединяя философию права с его теорией, а также обосновывая возможность и востребованность плюралистической методологии в правовых исследованиях.

Поиски интегрального понимания стали основой логико-методологических критериев методологического синтеза неоднородных и нетождественных подходов, которым призвана была соответствовать коммуникативная теория права. На основе интегративной методологии коммуникативная теория права открыла пространство для методологического синтеза, в котором теории изначально конструируются не как

конкурирующие и взаимоисключающие замкнутые системы понятий, а как концептуальные конструкции, открытые к диалогу, взаимодействующие друг с другом, объединяющие индуктивно-дедуктивные логики, приспособляющие методологические ансамбли к особенностям изучаемого объекта.

Список источников

1. Антонов М.В., Поляков А.В., Честнов И.Л. Коммуникативный подход и российская теория права / Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание. Избранные труды. СПб.: Алеф-Пресс, 2014. С. 549–570.
2. Архипов С.В. Феноменологические мотивы концепции права Н.Н. Алексеева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2013. № 160. С. 122–128.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
4. Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М.: Прогресс, 1987. 366 с.
5. Графский В.Г. Интегральная (синтезированная) юриспруденция: актуальный и все еще незавершенный проект // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2000. № 4. С. 49–64.
6. Залоило М.В. Интегративное правопонимание: новый подход // Журнал российского права. 2014. № 2. С. 143.
7. Ильин И.А. О сущности правосознания. М.: Рарогъ, 1993. 235 с.
8. Ильин И.А. Философия как духовное делание (курс лекций). М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т, 2013. 714 с.
9. Киейзик Л.-Б. О началах Петербургской школы философии права, или О пересечении границ. Исследование истории Льва Петражицкого // Правосудие. 2020. № 3. С. 197–212.
10. Лазарев В.В. Истоки интегративного понимания права / Наш трудный путь к праву. Материалы философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца. М.: Норма, 2006. С. 122–139.
11. Лапаева В.В. Интегральное правопонимание в российской теории права: история и современность // Законодательство и экономика. 2008. № 5. С. 5–13.
12. Лисица Ю.Т. Иван Ильин // Самопознание. Бердяевские чтения. 2015. № 2. С. 48.
13. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991. 640 с.
14. Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. СПб.: Эрлих, 1908. 311 с.
15. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 1. СПб.: Екатеринбургское печатное дело, 1909. 768 с.
16. Петражицкий Л. И. Теория и политика права. Избранные труды. СПб.: Юридическая книга, 2011. 1031 с.
17. Поляков А.В. Общая теория права. Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: курс лекций. СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 2004. 864 с.

18. Поляков А.В. Постклассическое правоведение и идея коммуникации // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2006. № 2. С. 26–43.
19. Поляков А.В. Коммуникативная теория права как вариант интегрального правопонимания / Правовые идеи и институты в историко-теоретическом дискурсе. М.: ИГПАН, 2008. С. 8–25.
20. Поляков А.В. Российская идея “возрожденного естественного права” как коммуникативная проблема (П.И. Новгородцев v. Л.И. Петражицкий) // Труды ИГПАН. 2013. № 4. С. 116–142.
21. Поляков А.В. (а) Коммуникативная концепция права / Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание. Избранные труды. СПб: Алеф-Пресс, 2014. С. 7–10.
22. Поляков А.В. (б) Правогенез / Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание. Избранные труды. С. 55–69.
23. Поляков А.В. (а) Права человека в контексте “петражицкианской перспективы” // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2016. № 1. С. 46–61.
24. Поляков А.В. (б) Психологическая теория права Л. Петражицкого в свете коммуникативного подхода // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2016. № 5. С. 144–155.
25. Поляков А.В. Принцип взаимного правового признания: российская философско-правовая традиция и коммуникативный подход к праву // Труды ИГПАН. 2021. Т. 16. № 6. С. 39–101.
26. Поляков А.В., Тимошина Е.В. Предисловие / Петербургская школа философии права: к 150-летию со дня рождения Льва Петражицкого. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. 650 с.
27. Тимошина Е.В. Как возможна теория права? Эпистемологические основания теории права в интерпретации Л.И. Петражицкого. М.: Юрлитинформ, 2012. 294 с.
28. Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания. М.: АСТ, 2007. 413 с.
29. Честнов И.Л. Перспективы постнеклассической коммуникативной теории права / Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции. К 60-летию А. В. Полякова. Т. 1 / под ред. М.В. Антонова, И.Л. Честнова. СПб: Алеф-Пресс, 2014. С. 20–32.
30. Шюц А. Символ, реальность и общество / Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 456–529.
31. Fittipaldi E. Everyday Legal Ontology. A Psychological and Linguistic Investigation within the Framework of Leon Petrażycki’s Theory of Law. Milano: Universirarie di Lettere Economia Diritto, 2012, 300 p.
32. Schramm W. How Communication Works. In: Process and Effects of Mass Communication. Urbana: University of Illinois Press, 1954, pp. 22–90.

References

1. Antonov M.V., Polyakov A.V., Chestnov I.L. (2014) Communicative approach and the Russian theory of law. In: Polyakov A.V. Communicative understanding of law. Selected works. Saint Petersburg: Alef Press, pp. 549–570 (in Russ.)

2. Arkhipov S.V. (2013) Phenomenological motives of N. N. Alekseev's concept of law. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*=Bulletin of the Russian State Pedagogical University, no. 160, pp. 122–128 (in Russ.)
3. Berger P., Luckmann T. (1995) *The social construction of reality: a treatise in the sociology of knowledge*. Moscow: Medium, 323 p. (in Russ.)
4. Chestnov I.L. (2014) Perspectives of post-non-classical communicative theory of law. In: *Communicative theory of law in studies of domestic and foreign scientists*. M.V. Antonov, I.L. Chestnov (eds.). Saint Petersburg: Alef-Press, pp. 20–32 (in Russ.)
5. Feyerabend P. (2007) *Against the method. Essay on anarchist theory of knowledge*. Moscow: AST, 413 p. (in Russ.)
6. Fittipaldi E. (2012) *Everyday legal ontology. A psychological and linguistic investigation in the framework of Leon Petrażycki's theory of law*. Milano: Universirarie di Lettere Economia Deritto Press, 300 p.
7. Grafskiy V.G. (2000) Integral (synthesized) jurisprudence: actual and still unfinished project. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedinyi. Pravovedeniye*=Works of Higher Educational Institutions. Jurisprudencia, no. 4, pp. 49–64 (in Russ.)
8. Heisenberg W. (1987) *Steps beyond the horizon*. Moscow: Progress, 366 p. (in Russ.)
9. Ilyin I.A. (1993) *Essence of legal consciousness*. Moscow: Rarog, 235 p. (in Russ.)
10. Ilyin I.A. (2013) *Philosophy as spiritual doing*. Moscow: Saint Tikhon's Orthodox Humanitarian University, 714 p. (in Russ.)
11. Kiejzik L.-B. (2020) Beginnings of the Petersburg school of philosophy of law, or about crossing borders. *Pravosudie*=Justice, no. 3, pp. 197–212 (in Russ.) DOI:10.37399/2686-9241
12. Lapaeva V.V. (2008) Integral legal understanding in the Russian theory of law: history and modernity. *Zakonodatel'stvo i ekonomika*=Legislation and Economics, no. 5, pp. 5–13 (in Russ.)
13. Lazarev V.V. (2006) Origins of the integrative understanding of law. In: *Our difficult path to the right*. Moscow: Norma, pp.122–139 (in Russ.)
14. Lisitca Yu.T. (2015) Ivan Ilyin. *Samopoznanie. Berdyaevskie chteniya*=Self-knowledge. Berdyaev readings, no. 2, p. 48 (in Russ.)
15. Novgorodtsev P.I. (1991) *About the social ideal*. Moscow: Press, 640 p. (in Russ.)
16. Petrazhitsky L.I. (1908) *Introduction to the study of law and morality. Fundamentals of emotional psychology*. Saint Petersburg: Erlich, 311 p. (in Russ.)
17. Petrazhitsky L.I. (1909) *The theory of law and the state in connection with the theory of morality*. Vol. 1. Saint Petersburg: Ekaterinhof Press, 768 p. (in Russ.)
18. Petrazhitsky L.I. (2011) *Theory and politics of law. Selected works*. Saint Petersburg: Juridicheskaya kniga, 1031 p. (in Russ.)
19. Polyakov A.V. (2004) *General theory of law: interpretation in the context of the communicative approach*. Saint Petersburg: University Press, 864 p. (in Russ.)
20. Polyakov A.V. (2006) Postclassical jurisprudence and idea of communication. *Izvestia vysshikh uchebnykh zavedenyi. Pravovedenie*=Works of Higher Educational Institutions. Jurisprudencia, no. 2, pp. 26–43 (in Russ.)

21. Polyakov A.V. (2008) Communicative theory of law as a variant of integral legal understanding. In: Legal ideas and institutions in historical and theoretical discourse. L.E. Lapaeva (ed.). Moscow: IGPAN, pp. 8–25 (in Russ.)
22. Polyakov A.V. (2013) The Russian idea of “revived natural law” as a communicative issue (Novgorodtsev vs. Petrazhitsky). *Trudy Instituta gosudarstva i prava*=Works of the Institute of State and Law, no. 4, pp. 116–142 (in Russ.)
23. Polyakov A.V. (2014a) The communicative concept of law. In: Polyakov A.V. Communicative understanding of law. Selected works. Saint Petersburg: Alef- Press, pp. 7–10 (in Russ.)
24. Polyakov A.V. (2014b) Pravogenesis. In: Polyakov A.V. Communicative understanding of law. Selected works, pp. 55–69 (in Russ.)
25. Polyakov A.V. (2016a) Human rights in the context of the “Petrazhitskian perspective”. *Izvestia vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*=Works of Higher Educational Institutions. Jurisprudencia, no. 1, pp. 46–61 (in Russ.)
26. Polyakov A.V. (2016b) Petrazhitsky’s psychological theory of law in the light of the communicative approach. *Izvestia vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*=Works of Higher Educational Institutions. Jurisprudencia, no. 5, pp. 144–155 (in Russ.)
27. Polyakov A.V. (2021) Principle of mutual legal recognition: the Russian philosophical and legal tradition and communicative approach to law. *Trudy Instituta gosudarstva i prava*=Works of the Institute of State and Law, vol. 16, no. 6, pp. 39–101 (in Russ.)
28. Polyakov A.V., Timoshina E.V. et al. (2018) Petersburg school of philosophy of law: collection of papers. Saint Petersburg: University Press, 650 p. (in Russ.)
29. Schramm W. (1954) How communication works. In: Process and effects of mass communication. Urbana: University of Illinois Press, pp. 22–90.
30. Schütz A. (2004) Symbol, reality and society. In: Schütz A. Selected works: a world glowing with meaning. Moscow: Rosspen, pp. 456–529 (in Russ.)
31. Timoshina E.V. (2012) *Is the theory of law possible? Epistemological foundations of the theory of law as interpreted by L.I. Petrazhitsky*. Moscow: Yurlitinform, 294 p. (in Russ.)
32. Zaloilo M.V. (2014) Integrative legal understanding: a new approach. *Zhurnal rossiyskogo prava*=Journal of Russian Law, no. 2, pp. 143 (in Russ.)

Информация об авторе:

С.В. Тихонова — доктор философских наук, профессор.

Information about the author:

S.V. Tikhonova — Doctor of Sciences (Philosophy), Professor.

Статья поступила в редакцию 23.01.2023; одобрена после рецензирования 25.02.2023; принята к публикации 04.04.2023.

The article was submitted to editorial office 23.01.2023; approved after reviewing 25.02.2023; accepted for publication 04.04.2023.